

Максим Горький

Каин и Артём



Максим Горький

Каин и Артём

«Public Domain»

1898

Горький М.

Каин и Артём / М. Горький — «Public Domain», 1898

«Имя еврея было Хаим, но его звали Каин. Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нём есть много оскорбительного. Хотя оно и не шло к маленькой, испуганной, слабосильной фигурке, но всем казалось, что оно вполне точно рисует тело и душу еврея, в то же время обижая его...».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Максим Горький

Каин и Артём

Каин был маленький юркий еврей, с острой головой, с жёлтым худым лицом; на скулах и подбородке у него росли кустики рыжих жёстких волос, и лицо смотрело из них точно из старой, растрёпанной плюшевой рамки, верхней частью которой служил козырёк грязного картуза.

Из-под козырька и рыжих, точно выщипанных бровей сверкали маленькие серые глазки. Они очень редко останавливались подолгу на одном предмете, но всегда быстро бегали из стороны в сторону и всюду сеяли улыбки – робкие, заискивающие, льстивые.

Каждый, кто видел эти улыбки, сразу понимал, что основное чувство человека, который так улыбается, – боязнь пред всеми, боязнь, через секунду готовая повиситься до ужаса. И поэтому каждый, если ему было не лень, усиливал злыми насмешками и щелчками это всегда напряжённое чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, – она, облекая от плеч до пят его костлявое тело, тоже вечно трепетала.

Имя еврея было Хаим, но его звали Каин. Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нём есть много оскорбительного. Хотя оно и не шло к маленькой, испуганной, слабосильной фигурке, но всем казалось, что оно вполне точно рисует тело и душу еврея, в то же время обижая его.

Он жил среди людей, обиженных судьбой, а для них всегда приятно обидеть ближнего, и они умеют делать это, ибо пока только так они могут мстить за себя. А обижать Каина было легко: когда над ним издевались, он только виновато улыбался и порой даже сам помогал смеяться над собой, как бы платя вперёд своим обидчикам за право существовать среди них.

Жил он торговлей, конечно. Он ходил по улицам с деревянным ящиком на груди и тонким голосом кричал:

– Вак-ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегей-ного товаг-у! Разный мьелкий товаг-у!

Ещё одна черта: уши у него были большие, оттопыренные, и они постоянно прядали, как у пугливой лошади.

Торговал он на Шихане, – в местности, где отложилась городская голь и рвань – разные «забракованные люди». Шихан – узкая улица, застроена старыми, высокими домами; в них помещались ночлежки, трактиры, хлебопекарни, лавки с бакалеей, старым железом и разной рухлядью; их населяли воры и приёмщики краденого, мелкие торгаши и торговки съестным. В этой улице всегда было много тени, много грязи и пьяных; летом в ней всегда стоял густой запах гниения и перегорелой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи грязью, только ранним утром осторожно и ненадолго заглядывало в эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко от берега большой реки, и постоянно была полна судорабочими, матросами с пароходов, крючниками. Они тут пьянствовали и наслаждались по-своему, и тут же, в укромных уголках, воры дожидались их опьянения. Около тротуаров улицы стояли корчаги торговых пельменями, лотки пирожников и торговцев «требухой». Толпы рабочего люда с реки жадно пожирали горячую пищу, пьяные дико пели песни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телеги, с трудом пробираясь сквозь группы людей, толпившихся в улице, покупающих или продающих, в ожидании работы или удачи. Хаос звуков вихрем носился в узкой канаве улицы, разбиваясь о грязные стены её зданий.

В этой канаве кипящей грязи, полной оглушающего шума и циничных речей, всегда шныряли и возились дети, – всех возрастов, но одинаково грязные, голодные и развращённые. Они бегали тут с утра до вечера, существуя за счёт доброты торговых и ловкости своих рук, а ночью спали где-нибудь в стороне – под воротами, под ларём пирожника, в углублении подвального

окна. С рассветом эти тощие жертвы рахитизма и скрофулёза уже были на ногах, чтобы снова воровать вкусные куски пищи, выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дети? Всех...

В этой улице изо дня в день и бродил Каин, выкрикивая свои товары и продавая их женщинам улицы. Они занимали у него на несколько часов двугривенный с обязательством уплатить двадцать две копейки и всегда аккуратно платили. Вообще, у Каина были в улице большие дела: он покупал у загулявших рабочих рубахи, картузы, сапоги и гармоники, у женщин – юбки, кофты, грошовые украшения, потом променивал эти вещи или продавал их с гривенником барыша. И ежечасно подвергался насмешкам, побоям, а иногда его даже обирали. Он не жаловался на всё это, а лишь улыбался трагически короткими улыбками.

Бывало, захваченный в одном из тёмных углов улицы двумя-тремя молодцами, доведёнными голодом или похмельем до готовности хоть на убийство, еврей, сбитый на землю кулаком или ужасом, сидел у ног своих грабителей и, трепещущий, судорожно роясь в карманах, умолял их:

– Господа-а! Добрые господа! Не берите всех... Как я буду торговать?

И худое лицо его всё дрожало от бесчисленных улыбок.

– Ну, не пищи! Давай только тридцать копеек...

Эти добрые господа хорошо понимали, что не следует вырывать у коровы всё вымя для того, чтоб достать молоко.

Случалось, он вставал с земли и шёл рядом с ними по улице, балагурия и улыбаясь; они тоже снисходительно разговаривали и посмеивались над ним, все держали себя просто и открыто. Каин после такого события казался ещё более худым и – только.

С кагалом он, должно быть, жил не в ладу. Очень редко видели его рядом с единоверцем, и всегда было заметно, что единоведец относится к Каину свысока и презрительно. Был в улице слух, будто бы на Каина наложен «херем», и одно время уличные торговки называли его проклятым.

Едва ли это было верно, хотя за Каином и водились несомненные признаки еретичества: он не соблюдал суббот и употреблял в пищу «некошерное» мясо. К нему приставали, прося и требуя объяснить, как он смел есть то, что запрещено его верой? Он сжимался в комок, улыбался и отшучивался или убегал, никогда ничего не рассказывая о вере и обычаях евреев.

Даже несчастные детишки этой улицы преследовали его, бросая ему в ящик и спину комья грязи, корки арбузов и всякую дрянь. Он старался остановить их ласковыми словами, но чаще убегал от них в толпу, куда они не шли за ним, боясь, что там их растопчут.

Так день за днём жил Каин, всем знакомый и всеми гонимый, торговал, дрожал от страха, улыбался, и вот – однажды судьба тоже улыбнулась ему...

В каждом уголке жизни есть свой деспот. На Шихане эту роль играл красавец Артём, колоссальный детина, с головой в густой шапке кудрявых чёрных волос. Эти мягкие волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лоб, спускаясь до прелестных бархатных бровей и огромных карих глаз, продолговатых, всегда подёрнутых какой-то маслянистой влагой. Нос у него был прямой, антично правильный, губы красные, сочные, прикрытые большими чёрными усами; всё его круглое, чистое, смугловатое лицо было на диво правильно и красиво, глаза, подёрнутые туманом, очень шли к нему, как бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокий и стройный, всегда с улыбкой на губах, он был на Шихане грозой мужчин и радостью женщин. Большую часть дня он проводил лёжа где-нибудь на солнечном припёке – массивный, ленивый, впивающий воздух и солнечный свет медленными вздохами, от которых его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лет двадцать пять. Года три тому назад он явился в город с артелью крючников-промзинцев¹ и после навигации остался зимовать, поняв, что может и не работая приятно жить на средства своей силы и красоты. И вот с той поры он превратился из деревенского парня и крючника в любимца торговки пельменями, лавочниц и иных женщин Шихана.

Этот род занятий позволял ему иметь пищу, водку и табак всегда, когда он желал; больше он ничего не умел желать и – так жил.

Женщины ругались из-за него, дрались; на замужних сплетничали мужьям, мужья и возлюбленные жестоко били их, – Артём был равнодушен ко всему этому, он грелся на солнце, потягиваясь, как кот, и ждал, когда в нём зародится одно из немногих доступных ему желаний.

Обыкновенно он лежал на горе, в которую упиралась улица. Тут прямо перед собой он видел реку, за ней, вплоть до горизонта, широко расстилались луга, кое-где на их ровном зелёном ковре лежали серые пятна – это деревни. Там – всегда тихо, ясно, зелено... А повернув голову влево, он видел свою улицу от начала до конца, в ней кипела шумная жизнь; всматриваясь в её тёмную суету, он различал фигуры знакомых людей, слышал голодный рёв и, может быть, думал о чём-нибудь. Вокруг него, по горе, рос густой бурьян, торчали одиноко чахлые берёзы, обломанные кусты бузины, – тут золоторотцы переживали похмелье и играли в карты, чинили платье или отдыхали от работы и драк.

Среди них Артём был на дурном счету. Он неодолимо силён и часто озорничал, а потом очень уж легко он добывал свой хлеб. Это возбуждало зависть; и к тому же он редко делился с кем-либо своей добычей. Вообще товарищеские чувства в нём были не развиты, и он не тяготел к общению с людьми. Если к нему приходили и начинали говорить с ним, он отвечал охотно, но сам не начинал разговора; если у него просили денег на похмелье – он давал, но по собственному почину никогда не угощал знакомых. А среди них вошло в обычай каждую добытую копейку пропивать и проедать в компании.

Сюда, в кусты, к Артёму являлись посланники любви – в виде оборванной и чумазой девочки из улицы или такого же чумазого мальчика. Это очень юные люди, лет семи-восьми, редко – десяти, но они всегда проникнуты сознанием глубокой важности возложенного на них поручения, говорят они вполголоса, и на их рожицах мина таинственности...

– Дяденька Артём, тётка Марья велела тебе сказать, что муж у неё уехал, так чтобы ты сегодня нанял лодку да в луга бы с ней поехал...

– Та-ак, – лениво тянет Артём, и его прекрасные глаза мутно улыбаются.

– Непременно чтобы...

– Могу... А... вот что... это – какая она, тётка-то Марья?

– Лавочница, чай, – укоризненно говорит посланец.

– Лавочница... н-да? Это – которая рядом с железной лавкой?

– Чай, рядом-то с железной лавкой Анисья Николаевна... что уж!

– Ну-ну, я, брат, ведь знаю... Я ведь это так... Для шутки говорю!.. будто позабыл... а ведь я Марью знаю.

Но посланец не уверен в этом, он хочет хорошо исполнить своё поручение и настоятельно объясняет Артёму:

– Марья – это которая маленькая, румяная, рядом с рыбой...

– Ну-ну!.. Которая рядом с рыбой. Вот! Чудашка ты!.. ведь я разве спутаю? Ладно, скажи ей, Марье, – еду. Едет, мол. Иди!

Тогда посланец корчит сладчайшую рожу и тянет:

– Дяденька Артём, дай копеечку!

¹ Промзино – село Симбирской губ., откуда выходят на Волгу лучшие, то есть сильнейшие крючники. – М. Г.

– Копеечку? А коли нету её? – говорит Артём, засовывая обе руки разом в карманы своих шаровар. И всегда находит какую-нибудь монету. Радостно усмехаясь, посланец мчится возвестить влюблённой печёночнице об исполненном поручении и с неё тоже получить награду.

Он знает цену денег и нуждается в них не только потому, что голоден, но и потому, что он курит папиросы, пьёт водку и имеет свои маленькие сердечные дела. На другой день после такой сценки Артём ещё более, чем всегда, недоступен впечатлениям бытия и ещё более красив своей редкой красотой могучего, но смиренного животного. Так тянулось это сытое, почти бессознательное существование, спокойное, несмотря на множество ревнивцев, ревнивиц и завистников, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артёмового кулака.

Но иногда в карих глазах красавца сгушалось что-то грозное, тёмное; его бархатные брови сурово сдвигались, смуглый лоб разрезывала глубокая морщина. Он вставал и шёл из своего логовища в улицу, и чем ближе он подходил к её суете, тем более округлялись зрачки его глаз, чаще вздрагивали тонкие ноздри. На левом плече у него висит жёлтая куртка из крестьянского сукна, правое покрыто рубахой, и сквозь неё видно, какое это могучее плечо.

Сапог он не любил и ходил всегда в лаптях; белые онучи, красиво перекрещенные оборями, рельефно обрисовывали икры ног. Шёл он медленно, как большая грозная туча...

Улица знает его повадки и уже по лицу видит, чего ей ждать от Артёма. Раздаётся предупредительный шёпот:

– Артём идёт!..

Красавцу торопливо очищают дорогу, отодвигая в сторону лотки с товарами, корчаги с горячим, заискивающе улыбаются ему, кланяются... Он же идёт среди знаков внимания к нему и боязни пред его силой, идёт угрюмый, молчаливый, дико прекрасный, как большой зверь.

Вот его нога задевает за лоток с рубцом, печёнкой, лёгким – и всё это летит на грязную мостовую. Торговец отчаянно вскрикивает и ругается.

– А ты что стоишь на дороге? – спокойно, но зловеще спрашивает Артём.

– Какая тебе, быку, тут дорога? – воет торговец.

– А ежели я тут хочу идти?

Под скулами Артёма вздуваются большие желваки, и глаза у него – как раскалённые докрасна гвозди. Торговец видит это и бормочет:

– Узка тебе улица-то...

Артём медленно двигается дальше. Торговец идёт в трактир, берёт там кипятку, моет в нём свой товар и через пять минут снова кричит на всю улицу:

– Пичонка, лёшко, сердце горяче! Матрос! Иди на почине – язык отрежу! Тётка, купи горло! Кому нужно сердце горяче? Пичонка, лёшко!

Волнуется гул голосов и тяжёлый запах гнили, водки, пота, рыбы, дёгтя, луку.

Люди расхаживают по мостовой, мешая двигаться лошадям, кричат, торгуются, смеются.

Высоко над ними – голубая лента неба, мутная от пыли и грязи, поднятой на воздух этой улицей, в которой даже тени от домов кажутся сырыми и пропитанными грязью...

– Голантегейного товаг-у! Ниткэ! Иголкэ! – возглашает Каин, следя за Артёмом, страшным для него более, чем для других.

– Пирог со грушай, покупай да кушай! – звонко заливается молодая пирожница.

– Луку, зелёного луку-у!.. – вторит ей другая.

– Ква-ас! Ква-ас! – сипло квакает низенький и толстый старик с красным лицом, сидя в тени кадки своего товара.

А человек, известный в улице под странным прозвищем Драного Жениха, продаёт какому-то судорабочему грязную, но крепкую рубаху со своего плеча и убедительно кричит ему:

– Ду-убина! Где ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Ведь в такой рубахе купчиху сватать можно! С миллионами, – чё-орт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.